

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

ТРИ МИРА КСЕНИИ БЕЛКИНОЙ

ЧАСТЬ 1.

ПЛЕБЕЙКА

Литрес

Александра Плен
Три мира Ксении Белкиной.
Часть 1. Плебейка
Серия «Три мира Ксении
Белкиной», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69483055

Аннотация

До слепоты Ксюша жила беззаботной жизнью московской студентки. Училась, встречалась с парнями, развлекалась с подружками. Вечеринки, дискотеки, клубы, соцсети. Жизнь казалась простой, понятной и предсказуемой. Внезапная трагедия в один миг разрушила ее идеальный мирок. А операция не вернула его назад, наоборот, подкинула еще больше проблем. Теперь за ней охотятся, и в нашем мире, и в двух других, которые она не только начала видеть, но и нашла способ перемещаться между ними.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александра Плен

Три мира Ксении Белкиной

Часть первая. Плебейка

Глава 1

Всю свою жизнь я считала себя оптимисткой. Беззаботно и легко плыла по течению, порхала как та стрекоза из басни Крылова. Все двадцать два года. Пока не допорхалась...

Психологи вывели закономерность – больше всего самоубийств происходит в четыре-пять часов утра, когда душа наиболее уязвима, когда разум балансирует на грани сна и яви, когда демоны особенно сильны и нашептывают на ухо разные мерзости.

Еще год назад я со стопроцентной уверенностью могла утверждать, что мысль лишить себя жизни никогда не придет мне в голову. А сейчас, после бессонной ночи, она уже не казалась мне такой невозможной. Как жить дальше, если операция не даст нужных результатов, и я на всю оставшуюся жизнь останусь блуждать во тьме?

До шестого июня я была абсолютно и безоговорочно счастлива. Мои родители недавно отметили серебряную свадьбу. Младший брат особо не раздражал, не брал мои вещи,

мыл за собой посуду и слушал музыку в наушниках. У меня были полные комплекты бабушек и дедушек, куча подруг и неиссякаемое внимание парней. Я была душой компании, всегда знала свежий анекдот и могла поддержать любой разговор. Встречалась с самым популярным парнем на потоке, сдавала зачеты автоматом и наибольшей проблемой на тот момент была: какой купальник выбрать на море – красный или желтый.

Иван Иванович собирался прийти в девять. Почему он назначил снятие повязок на воскресенье? Кто знает? То ли день нравился, то ли решил, что мне не помешает хоть какая призрачная удача, связанная с ним. Воскресение, воскрешение, восстановление, исцеление... Цепочку ассоциаций можно было продолжать до бесконечности, в этом я была профи, как-никак училась на журфаке. Последний курс. Мог бы быть... год назад. В связи с болезнью пришлось взять академку.

Одиннадцать месяцев, два дня и шесть часов назад, прекрасным летним днем я шла домой с экзамена, предвкушая долгожданный отдых, каникулы, поездку с родителями в Турцию. Радостная, веселая, беспечная. Последнее сыграло со мной злую шутку. Домашняя девочка, никогда не знавшая проблем, угроз и боли, я была так уверена в собственной неуязвимости, что когда услышала сверху звон, вместо того чтобы пригнуться, накрыть голову руками и шарахнуться под здание, подняла лицо вверх. На меня посыпалось стекло.

Потом я узнала, что на пятом этаже форточка ударилась о стену из-за сквозняка. Стекло разлетелось на тысячи осколков. Наверное, я всю жизнь буду помнить эту сверкающую на солнце бриллиантовую россыпь.

Красиво...

Шрамы убрали быстро. Вытащили осколки, зашили, зашлифовали. Благо косметические операции делать у нас научились. С глазами было сложнее. Роговица была изрезана в хлам. Родителям пришлось напрячься, продать дачу, взять кредит, чтобы хватило денег на операцию в Германии. Мне пересадили роговицу, но пользы это не принесло – видеть я не стала. Врачи разводили руками – скорее всего, поврежден глазной нерв, с ним связываться никто не хотел. А потом – десятки врачей в Москве и за рубежом, сотни анализов, литры слез и тягучая мрачная безысходность, сжирающая последние крохи присущего мне оптимизма.

Мама начала покупать разные приспособления для слепых – трость, часы с голосовым помощником, азбуку Брайля, даже достала где-то пояс со встроенным радаром. По дому ходить было еще более-менее – он начинал звенеть, когда я приближалась к стенам или мебели. На улице же пугать прохожих свистом было неудобно.

Сашка Михеев, с которым я встречалась весь четвертый курс, сломался на третьем свидании. Вести в кафе слепую, постоянно спотыкающуюся девицу, ему не понравилось, о чем он и написал в телеграмм. Даже не позвонил, а напи-

сал, зная, что я не смогу прочесть! Мне прочитала мама, когда пришла с работы, при этом она почему-то извинялась. Странно... Предательство больно ударило по самолюбию, но сильно горевать я не стала – на повестке дня стояла проблема существеннее, чем разбитое сердце – моя жизнь.

Две недели назад папа по каким-то своим дальним каналам нашел опытного хирурга офтальмолога, уже вышедшего на пенсию, но все еще работающего в захудалой больнице в Подмоскowie. Сначала Иван Иванович отказался. Слишком большой риск, да и аппаратура в больнице допотопная. Я ответила, что терять мне нечего, так и так ничего не вижу. Приступайте.

И вот, наконец, сегодня мне снимут повязки, и я узнаю, смогу видеть или нет. Кончится бесконечное ожидание, качели от жуткой депрессии к призрачной надежде. Я, наконец, определяюсь – начну учить азбуку Брайля или... пойду на пятый курс.

Родителей и брата поспросила выйти. У мамы глаза постоянно на мокром месте, да и папа, нервно щелкающий пальцами, не добавлял спокойствия. В палате остались мы втроем. Я, Иван Иванович и медсестра Женечка, которая за эти две недели стала мне и подружкой, и плакательной жилеткой, и нянечкой.

Я боялась открыть веки. Боялась, что ничего не изменится, и я опять увижу тьму перед глазами.

– Не трусь, Белка, – хмыкнул Иван Иванович, интуитивно

называя прозвищем, которое сопровождало меня с детского сада. Да и каким оно может быть, если у меня фамилия Белкина?

Я услышала резкий звук задергиваемой шторы, тихие шаги, почувствовала теплые руки Жени на своих скулах. И свежий ветерок от работающего кондиционера на коже век.

– Можно, – чуть дрожащим голосом произнесла медсестра.

Я робко приоткрыла глаз и обрадованно взвизгнула – тьмы не было. В комнате был полумрак, но я видела! Правда что-то непонятное... Я сглотнула и прищурилась. Прямо передо мной, в центре у изножья кровати, стоял пожилой темноволосый мужчина в белом халате. Он напряженно наблюдал за мной, хмуря широкие брови. Рядом с ним – худенькая симпатичная девушка. Все вроде было в порядке. Иван Иванович, Женечка. Но! С правой стороны колыхались зеленые верхушки деревьев, а левую часть занимала серая, скорее всего, бетонная стена. Пространство перед глазами было поделено на три равные части, между которыми находилась тонкая грань. Я сосредоточилась на фигуре врача, не обращая внимания на лес и стену.

Потом разберусь.

– Доброе утро, – расплылась я в улыбке. Как бы там ни было, я видела! Пусть не разобралась что именно, но одна треть точно была моей. И это было невообразимо лучше, чем полная тьма перед глазами!

– Спасибо вам, – я вскочила на ноги и обняла хирурга, изо всех сил сжав руки за его спиной, – огромное спасибо!

– Ну, будет, будет... – растроганно произнес Иван Иванович, передернув плечами, словно ему было неудобно, – нам еще предстоит анализы, тесты, а пока я позову родителей?

– Конечно!

В палату влетела мама, за ней медленно вошел папа. Димка шел последним, держа в руках айфон, снимая видео.

– Для твоих потомков! – радостно оскалился он, словно и не сомневался в успехе операции. Была у него эта черта, которую я терпеть не могла – ловить разные приятные и не очень моменты на камеру. Правда, чего было не отнять – если я настаивала, он удалял компромат.

Полчаса мы рыдали в объятиях друг друга. Рыдала мама, я, и даже пару раз всхлипнули папа с братом. Я пока не сказала, что вижу фрагментарно, оставила на потом. Главное, что зрение, пусть и кривенькое, но вернулось.

А вот Ивану Ивановичу рассказала. Мы находились в его кабинете, он измерил внутриглазное давление, посмотрел на глаза в микроскоп, водил молоточком вправо и влево, но ничего странного не находил. Я сидела с полузакрытыми веками, так было легче – от трех разных картинок перед глазами мутило до тошноты.

– Метаморфопсия? Откуда? Возможно, искажение возникло из-за рубцов на сетчатке? – размышлял он сам с собой, – не пятна? – я отрицательно мотнула головой, – значит,

не стекловидное тело... Есть небольшая атрофия зрительно-го нерва, но чтобы такой эффект...

– И что это значит? – мне было не особо интересно, одно то, что я вижу хоть что-то, наполняло меня счастьем. Против полной тьмы, которая была со мной весь год, даже эти крохи были ценнее всего на свете.

– Ладно, – Иван Иванович отложил молоточек, – поспрашиваю коллег, может, у кого было подобное. Если что узнаю, сообщу.

Глава 2

Родители, конечно, заметили. Трудно было не заметить, если дочь постоянно щурится и прикрывает ладонями половину лица. Пришлось рассказать. Мама нахмурилась, брат восхитился – сестра стала почти что суперменом, видит с трех разных мест, а папа задумчиво принялся набрасывать в блокноте эскиз очков, которые бы мне подошли и отсекали ненужные картинки. Он у меня инженер-конструктор.

Я взяла у Димки слово, что никто не узнает о моей проблеме и принялась жить, как раньше. Тем более что через неделю папа принес стильные черные очки, украшенные стразами. Внутри были маленькие вертикальные жалюзи одного размера, закрывающиеся и открывающиеся по рычагу в дужке. Жить стало намного удобнее. Я закрыла левую и правую части, оставив лишь центральную. И пусть мой обзор составлял одну треть, я была счастлива. Трость и азбука Брайля отправились в кладовку.

Наша большая угловая трехкомнатная квартира находилась на пятнадцатом этаже. Зал папа еще десять лет назад разделил перегородкой пополам, сделав нам с Димкой по две небольшие спальни. Правда, чтобы в каждой комнате было по окну, пришлось сделать комнаты треугольными. Мне это не мешало. Узкая кровать, откидывающийся столик, угловой шкаф прекрасно вписались в треугольный интерьер.

Зато вид из окна открывался великолепный – было видно Москву-реку и Университет.

В моих глазах вид тоже изменился. В первые дни я не заморачивалась о том, что вижу в левой и правой части. Просто фильтровала пейзажи, акцентируя внимание лишь на нужном. А частенько и вовсе ходила по квартире с закрытыми глазами, по привычке.

Но однажды я забыла надеть очки и столкнулась в коридоре с огромной птицей, испугавшись до судорог. Она пролетела сквозь меня, и я на секунду увидела прямо перед носом нечеловеческие круглые глаза с ярко-желтым ободком. Громко завизжав, я шарахнулась назад и упала, больно ударившись копчиком.

Конечно, я обратила внимание на то, что после переезда из больницы домой картинки в глазах изменились. Вместо верхушек деревьев, которые я видела в палате на третьем этаже, на пятнадцатом передо мной расстился огромный лесной массив с высоты птичьего полета. Деревья были наши, местные. В основном лиственные – березы, осины липы, клены, иногда попадались ели и сосны. Больше всего поразила знакомый изгиб реки. Я без труда узнала петлю, огибающую Лужники, уходящую к Андреевскому мосту и Парку культуры. Деревья не мешали в правой части, а в левой – крыши низких домов, построенных вдоль знакомых набережных. Значило ли это, что я вижу Москву? Точнее территорию, на которой она находится, только в одном случае эта

территория была не заселена вообще, в другом – не развита, так как с пятнадцатого этажа я видела лишь небольшой аккуратный городок с домами не выше трех-четырёх этажей. Большинство же зданий и вовсе были одноэтажными. Зато на крыше каждого находились странные металлические прутья. То ли громоотводы, то ли антенны для телевидения.

Ехать куда-то дальше и проверять свою теорию я пока не хотела, хватало и того, что было. Но любопытно, если я посетую Санкт-Петербург, я увижу во всех трех частях Финский залив?

Еще одно – звуки из левого и правого миров ко мне не долетали. Слышен был только мой, центральный. Иначе я бы просто сошла с ума от адской какофонии.

Как-то раз я погналась за повозкой и врезалась в столб. Хорошо хоть не выбежала на проезжую часть, а то все могло бы закончиться гораздо печальнее. В итоге решила наблюдать за левым миром из окна квартиры, так как внизу слишком много опасностей. И по лесу, который отражался в правой части глаза, особо не побродишь, в центре-то Москвы.

Я догадалась, что вижу не искаженное отражение своего мира, как предполагал Иван Иванович, а абсолютно другой мир. Я вижу его в том же месте, в котором нахожусь сейчас и, видимо, в реальном времени. Так как хоть погода и не совпадала, но восходы и закаты солнца были по графику, как и времена года.

О догадках решила никому не говорить. В психушку не

хотелось. Очки давали возможность нормально жить, читать, смотреть фильмы, ходить в магазин и кафе. Я даже не рассказала лучшей подруге Ваське, которая очень любила фантастику и регулярно на дни рождения дарила мне билеты на квест-туры или походы на косплей-фестивали. Она бы меня точно поняла. Может быть, когда-нибудь, когда сама освоюсь и отправлюсь в путешествие к морю, чтобы подтвердить свою теорию об идентичности миров.

А пока меня ждал универ, пятый курс. Бывшие одногруппники уже сдали выпускные экзамены, а мне предстоял еще год учебы. Нужно было освежить знания, просмотреть конспекты, морально настроиться на то, что я буду белой вороной, сидя на лекциях в черных очках.

Михеев, узнав от Василисы, что я опять вижу, позвонил и предложил встретиться. Естественно был послан далеко и надолго. Не то, чтобы у нас была любовь до гроба, и я хотела выйти за него замуж... Но он мне, действительно, нравился. Умный, симпатичный, веселый, далеко не бедный. Как-то само собой получилось, что мы стали встречаться. Или я просто не хотела приходить в клубы и на вечеринки одна? Год назад, после его сообщения, я мысленно поставила на нем клеймо «Козел обыкновенный» и вычеркнула из жизни.

Нет, я не делила мир на белое и черное, могла понять и глупость, и жестокость. Даже, наверное, предательство смогла бы понять, но не трусость. В сфере психологии я была подкованной – мама работала практикующим психологом, име-

ла лицензию, вела приемы, вебинары, лекции. С детства я варилась во всем этом бульоне и закономерно считала, что могу вполне получить еще один диплом по психологии, заочно, так сказать.

Профессию я выбрала себе, как платье – красивую, чистенькую и престижную. Если бы могла, стала бы музыкантом или художником, но, увы – к ним должен прилагаться талант, которого у меня не было. Наш профессор, милейший Николай Павлович часто говорил, что молодость – единственное слабое место нашей профессии. Что хороший журналист пишет от сердца, набив собственных шишек и хоть немного понаступав на грабли. Поэтому двадцатилетним остается одно – набираться опыта.

За последний год этого добра случилось немало.

Иван Иванович сказал, что ему ничего не удалось узнать о моей аномалии. Мы еще несколько раз встречались в больнице, я приходила на плановые осмотры. И как бы я не уважала врача, но знать о моих догадках ему было не нужно. Я уже жалела о том, что в первый день после снятия повязок не удержалась и рассказала и о домах, и о деревьях. Тайна была из разряда – дадим хороших успокоительных таблеточек или поселим в белой комнате с мягкими стенами. Кстати, что-то подобное он и предложил. Самый приемлемый вариант – сходить к психотерапевту. Я покивала и сказала, что подумаю, умолчав, что один из этой братии является мне родителем.

Я снимала очки только когда ложилась спать, а днем почти никогда не открывала левую и правую шторку, желая видеть только свой мир. Лишь рано утром и поздно вечером могла лицезреть неизменный лес и странный город, с низкими домами, архитектурой похожими на виллы, которые строят у моря, странными узкими улицами, покрытыми явно не привычным мне асфальтом и редкими прохожими на них. Люди были одеты почти так же, как и мы, в брюки, рубашки, комбинезоны. Если бы не Москва река и знакомые ландшафты Воробьевых гор, то можно было бы подумать, что я вижу свой мир, только где-то на юге.

Началась учёба. Я с радостью ходила на лекции, садилась на последних рядах, так как издалека обзор был шире. Преподаватели знали о том, что случилось со мной в прошлом году и не задавали вопросов, а своим одноклассникам сказала, что из-за слабого зрения постоянно ношу специальные очки. А на логичный вопрос – почему я не за первой партой, ответила, что у меня дальновзоркость.

Через месяц папа принес мне другие, более удобные. Он где-то нашел специальное стекло, прозрачное с одной стороны и не прозрачное с другой. Стало намного легче. По крайней мере, теперь собеседник мог видеть мои глаза, я же по-прежнему наблюдала третью часть обзора.

Последняя на сегодня лекция закончилась. Лектор попрощался и первым вышел из зала. Я собрала конспекты, дождал Светку с Татьяной, они ехали со мной по одной ветке,

и направилась на выход.

– Белка! – меня окликнул знакомый голос, я обернулась. У окна стоял мой бывший парень.

– Поговорим?

– Ух ты... – Светка дернула меня за рукав и прошептала благоговейно, – твой?

– Был мой. Когда-то... – я криво усмехнулась. – Идите без меня, до завтра.

Девчонки ещё раз облизали глазами Сашку и медленнее, чем обычно, поплелись по коридору, периодически оборачиваясь. Догадываюсь из-за чего. Высокий, красивый, спортивного телосложения, по нему сохли все студентки на курсе, и не только на нашем. Плюс в универ он прикатывал на собственном байке, так что сейчас стоял у подоконника в кожаной косухе и рваных джинсах. Хоть сейчас на обложку журнала. Когда-то у меня от одного его вида замирало сердце, сейчас же я просто отметила про себя, что он немного похудел и зарос.

– В «Старбакс»? – Сашка подошел ближе. Раньше, когда мы встречались, эта забегаловка была на почетном первом месте по перекусам между парами. Я тяжело вздохнула.

– Михеев, слушай, – произнесла устало, – что тебе было не понятно во фразе «не хочу тебя видеть»?

– Я хотел объяснить, – Михеев нервно крутил кольцо ключей на пальце, – попросить прощения...

– Проси, – я сложила руки на груди и выжидательно уста-

вилась на бывшего. Тот немного покраснел.

– Ты должна меня понять, – забормотал он, опуская голову. – Если бы ты осталась слепой... Как бы мы встречались? Ходили в клубы, кино, на концерты? Я испугался, – «ответственности за инвалида», – добавила мысленно.

– Не думай, я собирался позвонить, просто взял небольшую паузу.

И вновь ехидный голосок внутри меня продолжил – на целый год.

Понять-то я его поняла, даже очень. Неизвестно, как бы я поступила, если бы с ним случилось подобное. В общем и целом, наше поколение «Z» эгоисты до мозга и костей. Жен декабристов из нас бы вряд ли получилось. Та любовь, которую описывают в романах, нам не доступна. Жертвенность, истинное смирение, благородство остались на страницах или пленках видео. В жизни их нет. Любовь родителей – скорее исключение, чем правило. Да и какая любовь? Привязанность, привычка, удобство.

– Я все понимаю, – ответила спокойно, развернулась к парню и похлопала его по руке, – не переживай, я тебя давно простила.

– Так может, начнем заново? – Михеев сделал шаг в мою сторону, я резво отшатнулась. – Я люблю тебя, Белка, реально люблю. Этот год для меня стал самым ужасным за всю жизнь. Ты не представляешь, как я мучился...

Еще одна особенность нашего поколения – жалеть себя

и преувеличивать свои страдания, не обращая внимания на других.

– Не-не, – замотала головой я, подняв ладони вверх, – о чем ты? Любовь прошла, как с белых яблонь дым.

С перепугу я соединила Есенина с Лебединским. Пропела «Пока-пока» и направилась по коридору к выходу.

– А была ли она?! – донеслось мне в спину злое, – мне кажется, ты никогда меня не любила!

Да, обвинить кого-то другого в своих ошибках – мы тоже это любим делать. Я, не оборачиваясь, пожала плечами и ускорила шаг. Не могу сказать точно – прав он или нет. Есть такой психологический термин – замещение, направленный на минимизацию страданий. В моем случае – замещение одной боли другой. Предательство любимого человека поблекло перед страхом остаться слепой. Как бы там ни было, с парнями придется завязать на некоторое время. Пока не разберусь с «мирами» в своих глазах.

Глава 3

Жизнь вошла в привычную колею. Я так приспособилась жить и учиться в очках, что, даже снимая их, умудрялась акцентировать внимание лишь на своем мире, отсекая ненужное, делая его незаметным фоном. Редко, ради веселья, я передвигала шторы, открывая левую сторону. В парке или набережной, где нет машин и мало прохожих.

Я бродила по улицам, иногда даже входила в дома тех, кто живет в «левом» мире, смотрела на людей, их быт, выискивала знакомые вещи. В общем, жизнь была похожей, но не совсем. Посуда и мебель была типичной. А вот техника другая. Печь на кухне работала не на газе, то ли на электричестве, то ли на другом топливе, названия которому я не знала. Под потолками кружили светящиеся шары, дававшие свет проводов к ним я не заметила. Транспорт был странным, без колес и знакомого двигателя, и перемещался по воздуху на высоте около полуметра от земли. Автобусы были похожи на древние ладьи, вытянутые и украшенные резьбой и завитками.

В них садились люди и ехали, думаю, на работу. Где они трудились – неизвестно, так как ничего похожего на фабрики с высоты пятнадцатого этажа я не видела. Передо мной расстилался типичный провинциальный городок, никак не мегаполис. Москва, так и не ставшая столицей? Ее жители

выглядели не слишком счастливыми, хотя, нельзя сказать, что вокруг царила нищета. Одежда была добротной, еда на столе разнообразной. Дома опрятными и чистыми.

Справа же ничего не происходило. Только лес сменил зеленый гардероб на желтый.

Однажды я стала свидетельницей странного события. Гуляя в парке, я сняла очки, чтобы протереть их от пыли, и вдруг заметила, что граница между нашим и левым миром словно раздвоилась, чуть сдвинувшись вправо, сузив наш и расширив левый мир. Я бы не обратила внимания, если бы в узкий проем не попала такса, которую выгуливал мужчина. Через пару секунд щель исчезла. И собака оказалась в левом мире. Хорошо хоть не вместе с женщиной. Некоторое время я в ступоре смотрела, как животное, как ни в чем не бывало, потрусило в сторону одноэтажного дома. Хорошо еще, что оно попало в населенный мир, есть вариант, что люди его накормят.

– Тоби! Тоби! – я очнулась от задумчивости. Мужчина звал пса, ошарашенно оглядываясь вокруг. – Девушка, вы не видели таксу? Куда она побежала?

– Не видела, – выдавила из себя я хрипло. Даже если бы я и сказала правду, вряд ли бы мне поверили.

Я боязливо поежилась. Между мирами можно перемещаться? Щель была открыта буквально несколько секунд. Я бы при всем желании не успела до нее добежать. Стоп. О чем я думаю? Не хочу никуда бежать, мне и здесь хорошо.

Конечно, если бы было возможно, чисто из любопытства, я бы посетила и правый мир и левый. Но обязательно бы вернулась обратно, к папе и маме. А так как проход я увидела впервые за много месяцев, значит, они открываются не часто. Где вероятность того, что я не застряну в другом мире на полгода или год?

Как бы я не гнала эту мысль, она крепко засела внутри. Нужно иметь огромную смелость, пылкое сердце, или, скорее всего, быть совершенно отбитым на голову безумцем, чтобы шагнуть в неизвестность. Зато можно увидеть то, что не видел никто – абсолютно новый, неведомый мир. И жутко страшно, и жутко привлекательно.

Увы, я такой смелостью не обладала. Для меня лучше синица в руке.

Кто бы мне сказал, что вскоре упорхнет и она.

– Ксения Игоревна Белкина? – у подъезда дома стояли двое ничем не примечательных мужчин в серых костюмах.

– Да, – я остановилась, но не спешила подходить к незнакомцам. Пусть я и нахожусь в собственном дворе, где меня знает каждая собака, от них исходила опасность.

– Нам нужно поговорить с вами.

– Я спешу домой, меня ждут родители, – приврала я. Мама с папой придут только вечером. В лучшем случае, в квартире сейчас находился брат.

Правый мужчина шагнул ближе и сунул мне под нос удостоверение в красной обложке. Я склонила голову. «Сотруд-

ник федеральной службы безопасности Горцев...» Далее прочитать не смогла, книжка была быстро спрятана в нагрудный карман.

– О чем? – голос предательски дрогнул. Первой мыслью была – что-то с родителями. Второй – брат куда-то влез. Вчера они с классом ходили в клуб. О себе я не думала.

– Завтра в девять утра ждем вас по этому адресу, – один из мужчин протянул мне прямоугольный листок картона, – не опаздывайте.

– Но завтра у меня занятия, – попыталась соскочить я.

– Пропустите, – голос мужчины замораживал холодом. – Не советую куда-нибудь уезжать. Мы найдем вас где угодно. И тогда разговор будет происходить в другом ключе.

Мужчины развернулись и направились к черной, припаркованной во дворе, машине. Я посмотрела на визитку, прочитала адрес. Он мне ничего не сказал. Не Лубянка, слава Богу, но все равно непонятно. Что им надо? Хоть бы намекнули.

Вечером на семейном совете я показала визитку и рассказала о встрече. Мама с папой всполошились, а брат заверил, что он ни при чем – вчерашний вечер прошел скучно и уныло.

– Не было ни выпивки, ни травы, – добавил со вздохом.

– Это ты так пошутил? – отец замахнулся дать Димке символическую затрещину. Тот ловко увернулся.

– Мы пойдем с тобой, – решительно заявил папа, – они не

могут допрашивать без родителей.

– Вас не пустят, – горестно вздохнула я, – я совершенно-летняя. – И добавила уверенней:

– Не переживайте, я ничего не натворила. Может, вызывают как свидетельницу или знакомую? Поговорю и сразу отзвонюсь.

Увы, звонок родителям пришлось придержать: перво-на-перво, что меня заставили сделать – подписать договор о неразглашении всего, что я узнаю и увижу. Навигатор по адресу меня привел в обычный бизнес-центр на Садовом кольце. Только после ресепшна меня ждал не коридор с кабинетами, а охранник, лифт в подвал, крепкая стальная дверь с кодовым замком.

– Проходите, – сопровождающий распахнул дверь в небольшую комнату без окон. За столом сидел вчерашний знакомец. Никаких зеркальных стен, как в шпионских фильмах, ламп с ярким светом, камер и диктофонов. По крайней мере, видимых. Кабинет выглядел уютным и безопасным, с мягкими диванчиками и пейзажами на стенах, но я чувствовала спинным мозгом, что за мной внимательно наблюдают.

– Доброе утро, – я уселась в удобное кресло с высокой спинкой. Сзади мягко закрылась дверь. Пока ничего страшного.

– Доброе, Ксения Игоревна, – мужчина растянул губы в разные стороны. На абсолютно серьезном лице улыбка выглядела жутковато. – Не буду ходить кругом да около, наш

отдел интересуется ваша зрительная аномалия.

Я замерла. В животе стало неприятно. Значит, все-таки, я.

– Откуда вы...? – голос внезапно сел.

– С недавних пор наша служба просматривает все нетипичные случаи во врачебной практике. Сейчас это стало легче, так как все истории болезни в электронном виде. И то, заняло несколько месяцев, чтобы вас обнаружить.

– И зачем меня обнаруживать? – немного раздраженно ответила я, до сих пор не понимая, как моя аномалия может заинтересовать службу безопасности.

– Я бы вам посоветовал сбавить тон, уважаемая Ксения Игоревна, – мужчина прищурился, – сейчас мы разговариваем как хорошие друзья, а может быть совсем по-другому.

– Извините, – пробормотала я смиренно. Что это за служба такая и как учат подобных сотрудников, что один их взгляд пробирает до костей?

– Расскажите, что вы видите? – мужчина опять попытался добродушно улыбнуться.

Скрывать что-то было бесполезно, и как оказалось, небезопасно, поэтому я быстро и четко поведала о лесе и странном провинциальном городке. Не сказала лишь о проходе между мирами и о собачке, которой не поздоровилось. На самом деле я до сих пор размышляла над тем, не привиделось ли мне все это, ведь потом, как я не всматривалась, никаких щелей больше не замечала. А во-вторых, хотела сохранить этот секрет, как козырный туз в рукаве. Вдруг пригодится?

– Значит, всего два... – задумчиво постучал кончиком карандаша мужчина. Я прерывисто вздохнула. Они знают о мирах? Были и другие? Я не первая с такой аномалией?

Некоторое время в кабинете стояла тишина. Кадровик о чем-то размышлял, потом, видимо, решил.

– Двадцать лет назад наши шпионы в Америке передали информацию о революционном открытии в производстве энергетических батарей, которое вот-вот произойдет. – Начал говорить он, по-прежнему смотря куда-то вбок, – Оно потом и произошло... Итак, до нас дошли сведения, что человек, который и сделал этот прорыв не конструктор и не научный сотрудник. Наоборот, до недавних пор он находился в сумасшедшем доме и проходил лечение. С большим трудом нам удалось раздобыть информацию о нем. Записи были уничтожены, но некоторые медсестры... В общем все любят деньги. Так вот. Мужчина видел разные миры, как и вы. И в одном из миров он увидел чертежи. Стал их зарисовывать. Рисунки попались на глаза глав врачу, у которого жена преподает физику в университете...

С ума сойти! Значит, я не одна такая. Стало спокойнее. Слово причастность к некоторому сообществу отщепенцев, делало меня нормальной.

– И вы принялись искать подобных у нас в стране? – поинтересовалась робко, – и нашли кого-нибудь?

Мужчина недовольно нахмурился.

– Был один, несколько лет назад. Мы обнаружили его в

сумасшедшем доме. Когда он к нам попал, его мозг уже был поврежден. Кричал, что видит каких-то ящеров, летающих по небу. А через месяц он перестал видеть вовсе. Окончательно ослеп. Толку с него не было.

– Ящеров? – удивленно переспросила я, – в моем левом мире находятся обычные люди, как мы с вами.

Мужчина чуть скривил губы.

– И что теперь?

– Теперь вы будете работать на правительство, – ответил он, пристально смотря мне в глаза. – Сейчас вы пойдете домой, скажете родителям, что вас берут на работу. Они же знают об аномалии? – я кивнула, – значит и им придется подписать бумаги о неразглашении.

– А как же моя учеба?

– Никак, – отрезал он, – если хотите диплом, мы вам его выдадим.

Я поняла, что возражать и спорить – мне дороже. Ограничилась согласным кивком. Мужчина встал.

– Жду вас завтра здесь в это же время. До свидания.

– До свидания, – ответила я и вышла за дверь.

В голове была каша. Профессия журналиста, друзья, встречи, клубы, планы на жизнь и личную в том числе, летели в тартарары. Как долго я буду высматривать для них изобретения? Во что превратится моя жизнь? Эти люди не признают отказов и увольнений по собственному желанию у них тоже не бывает.

После моего краткого рассказа родители предложили уехать и спрятаться.

– Вряд ли я смогу это сделать, – уныло произнесла я, – эта служба найдет меня везде, даже за рубежом. А у нас нет таких возможностей, чтобы сменить документы полностью. Попробую поработать, вдруг понравится?

Глава 4

Начало трудовой деятельности на правительство ознаменовалось прописыванием кучи бумажек. Потом меня привели в какую-то лабораторию и прогнали по всем тестам, какие я знала и не знала. Было и МРТ мозга, полная компьютерная томография, кардиограмма, взятие крови, мазки из разных мест. Даже гинеколог был, слава богу, женщина. Я чувствовала себя подопытным кроликом, а не сотрудницей.

Затем мы спустились на лифте еще ниже. Двери, охранники, опять двери. И, наконец, огромная комната с непонятными машинами, и снующими туда-сюда людьми в белых халатах.

– Девочка, наконец, ты тут! – в мою сторону шел седой старичок с добродушной улыбкой на лице. – Я профессор физико-математических наук Николай Ильич Осипов, буду с тобой работать.

– Ксения, – представилась я смущенно, пожимая сухонькую теплую ладонь. Мне дали целого профессора! Он смотрит на меня, как на спасителя человечества, я уже заранее опасалась разочаровать этого милого дедушку.

– Пойдем, – он потянул меня за руку, – введу тебя в курс дела.

Мы усадились в дальнем углу комнаты за маленький столик. Здесь было что-то вроде небольшой кухоньки. Сотруд-

ники, проходившие мимо, приветливо мне улыбались, в глазах мелькало любопытство. Какая-то девушка принесла две исходящие паром кружки и поставила перед нами.

– Так вот, – улыбнулся профессор, делая глоток чая, – немного теории. Что ты знаешь о мультивселенных?

Я сдавленно кашлянула.

– Ээээ. Ничего, – ответила, медленно растягивая гласные, судорожно пытаюсь вспомнить, не проходили ли мы эту тему в школе. Старичок покровительственно похлопал меня по руке.

– Эта теория скорее философская, чем научная. Даже, можно сказать, теологическая. Она гласит, что Бог изначально не создавал миллиарды и миллиарды миров, он создал один единственный и населил его существами. А мультивселенная – это альтернативные варианты этого самого первого мира. Бесконечные вариации событий, происходившие и происходящие в нем.

Я непонимающе хлопала глазами.

– То есть, во вселенной существует одна планета с жизнью? Наша? – уточнила я.

– Именно так, – ответил профессор, – это подтверждается тем, что ни разу за время изучения нашей вселенной мы не увидели ни малейшего признака деятельности других цивилизаций. А телескопы сейчас такие, что мы видим галактики на расстоянии более четырех миллиардов световых лет. И ничего. Пусто.

Я поежилась. Меня всегда пугала необъятность и чуждость термина вселенная. Что значит бесконечность? У всего есть конец в окружающем мире. Самым близким понятием бесконечности для меня являлось число пи, но и оно где-то заканчивалось, ограничиваясь мощностью вычислительной техники, способной измерить количество цифр после запятой.

Физика в школе прошла мимо. То ли учитель не смог увлечь, то ли мне больше по сердцу гуманитарные науки. А обо всех этих непонятных фантастических мирах я краем уха слышала лишь от Васьки, когда она рассказывала о своих любимых компьютерных играх. Но никогда, даже в страшном сне я не допускала, что подобное может быть в реальности.

– А откуда берутся эти альтернативные миры?

– Хороший вопрос, – профессор снял очки и принялся медленно протирать стекла вытасненным из кармана платочком, – наша цивилизация много раз стояла на перепутье. Метеорит, погубивший динозавров, извержения супервулканов, множество массовых вымираний, войны, катаклизмы... и так далее. Так вот. Теория гласит, что на каждый переходный узел образуется новая вариация, которая идет по другому пути развития. – Николай Ильич вздохнул. Взял маркер и принялся чертить прямо на столе. Благо тот был с пластиковой столешницей. – Начнем с этого, – он нарисовал кружок, потом провел из него две линии, – метеорит упал на землю, –

еще один кружок, – пролетел мимо, – кружок.

– Что стало с ящерами – неизвестно, будем продолжать тот кружок, который мы знаем, там, где они вымерли, – он провел штрих пунктиры, расширяя огромное дерево с сотнями веточек, подписывая те, которые он знал. В итоге получилась громадная паутина, исходящая из одной точки.

– Я поняла принцип, – произнесла задумчиво. – То есть, пойду направо – произойдет одно, налево – другое...

– Нет, – усмехнулся профессор и рукавом вытер свои художества, не обратив внимания на темные пятна, оставшиеся на халате, – не так. Направо или налево – роли не играет, все равно ты придешь в одно и то же место, просто разными путями. Все немного сложнее.

Он пожевал губами.

– Если до этого момента теория о мультивселенных более-менее общая, то далее идут лишь мои личные предположения.

Я заинтересованно склонила голову и оперлась подбородком на ладонь, приготовившись слушать.

– По поводу метеоритов или извержений понятно, – сам себе кивнул Николай Ильич, – по поводу людей... Иногда, раз в тысячу или меньше лет, рождаются люди, ломающие ход истории. Ты же в курсе, что любой человек неосознанно выплескивает в мир энергию? – я кивнула, в книгах по психологии об этом много пишут. – Хорошую или плохую. Одних называют донорами, рядом с ними становится легче на

душе, они излучают положительную энергию, других – энергетическими вампирами, те распространяют отрицательную. Это, конечно, все условно... Но я отвлекся. Продолжим... В мире накапливается темная или светлая энергетика, которая собирается в один комок и спонтанным образом воплощается в каком-то случайном гомо сапиенс. Светлом или темном, опять же условно. И этот человек становится узловым элементом истории. От его поступков и идет очередное ответвление.

– Александр Македонский, Иисус Христос, Гитлер... – пробормотала я.

– Вполне может быть, – ответил профессор, – но не точно. Кто знает, может быть, эти люди-узлы не остались на страницах истории, и мы о них не знаем...

Я задумчиво качнула головой. Он прав.

– После поступков этих ключевых людей, хороших или плохих, – Николай Ильич уточнил, – для истории нет разделения на плюс или минус, она потом, спустя века, сама корректирует, что было хорошо для мира, а что плохо... так вот, накопленная энергия разряжается. Как аккумулятор. А затем опять копится сотни лет...

– Интересная теория, – произнесла я медленно. – То есть те миры, которые я вижу, это наша Земля, но там история пошла по другому пути? И они сами тоже ветвятся и снова, и снова...

– Да, и так до бесконечности, – улыбнулся профессор.

Я сняла очки и потеряла веки. Все равно сейчас я видела лишь комнату в подвале, в правой и левой части глаза была темнота – мы же глубоко под землей.

– А почему я вижу только три альтернативных мира? Если их множество?

Николай Ильич пожал плечами.

– Предполагаю, что ты видишь определенный сдвиг в пространстве, соответствующий деформации твоего зрительного нерва и повреждения глаз. Эти три ответвления вышли из одного узла. Оно произошло недавно, так как люди, о которых ты говорила, очень похожи на нас, и бытом, и внешним видом.

– Но ответвление произошло не позже тысячи лет назад, – уточнила я, вспомнив, что Москве всего 875 лет. Профессор согласно кивнул.

– Сколько таких, как я?

– Мы знаем точно лишь о трех, – ответил Николай Ильич, – неизвестно, сколько их было на самом деле. Наш отдел специально создан для проверки вот таких отклонений. Есть отдел, где работают с предсказателями, медиумами, гадалками. Есть другие отделы...

– С ума сойти... – ошеломленно выдохнула я.

– Ага... На земле и на небе, мой друг, есть много всего, что и не снилось нашим мудрецам, – перефразировал он Шекспира.

Сегодня меня отпустили домой, а вот уже завтра мне со-

общили, что я уезжаю в командировку, на две недели. Вместе с тем самым майором Горцевым, профессором и парой коллег из лаборатории.

– Сначала мы облетим Московскую область на вертолете. Для самолета слишком маленькое расстояние. Потом отправимся на юг. – Пояснил Горцев в машине, когда мы ехали на аэродром в Подмоскowie. Логично, развитие любой цивилизации начинается с юга.

– Что я должна искать?

– Все, что похоже на фабрики, научные центры, конструкторские бюро. Все нестандартное. Технику, оборудование, оружие...

– Ясно.

– Лучше, если будешь рассказывать обо всем, что видишь интересного, – произнес профессор, до этого времени молчавший и отрешенно смотревший в окно, – Леночка, – он кивнул на женщину около сорока лет, ехавшую с нами, – прекрасная стенографистка, будет за тобой записывать. И у нее всегда включен диктофон.

Я кривовато улыбнулась и принялась говорить.

– В левой части мы выехали за город, в правой – по-прежнему лес. О! В левой мы обогнали колесницу с людьми.

– Притормози, – крикнул Горцев водителю, – медленней. Посмотрим, куда они свернут.

Пару сотен метров мы ехали наравне с повозкой из левого мира. Потом наша дорога повернула влево, а повозка поле-

тела прямо. О чем я и сказала.

– Останови! – крикнул Горцев водителю и мне:

– А ты выходи и беги за ней.

Машина остановилась на трассе. Я вышла и осторожно перелезла через высокий бордюр, благо была в джинсах. Повозка уходила все дальше.

– Быстрее! – рывкнул за спиной Горцев. Я быстро оглянулась, из машины за мной вышел он и Лена с диктофоном в руках. Профессор и водитель остались сидеть внутри. Я побежала по полю за удаляющейся колесницей, пачкая сапожки в грязи, цепляясь за кочки и траву. Стало немного обидно. Беречь меня никто не собирался.

И тут колесница исчезла. Просто была и вдруг ее не стало. Словно провалилась сквозь землю. Я растерянно остановилась и сказала об этом Горцеву.

– Иди вперед и ищи, куда она делась, – его глаза загорелись азартным огнем.

Я подошла к тому месту, где видела ее в последний раз и увидела тоннель, резко уходящий под землю. В нашем мире на этом месте росли деревья. Действительно – провалилась сквозь землю.

– Ладно, разберемся потом, – Горцев отметил на карте координаты, – давай обратно в машину.

Неделю мы летали над Московской областью, постепенно расширяя круг. На севере было пусто, а вот на юге жизнь попадалась все чаще. Мы пролетали над множеством подоб-

ных Московским городами и поселками с низкими аккуратными домиками. Даже в правой части я увидела небольшую деревеньку, чистенькую, игрушечную, как с картинки. Спустившись на землю, я поняла, что в ней нет ничего примечательного. Добротные, в основном деревянные дома, скотные дворы, минимум механических приспособлений. Почти что натуральное хозяйство.

– Не будем терять время, – буркнул Горцев в ответ на мой рассказ и загнал обратно в вертолет, – похоже этот мир отсталый.

– Ну, мы увидели только первое поселение, – мягко возразил Николай Ильич. Я помалкивала. И так пару раз уже сцепилась с надзирателем. Я хотела домой, к родителям, а мне дали лишь позвонить пару раз. Мобильные телефоны нас заставили сдать еще при посадке в вертолет. Ночевали мы в каких-то заброшенных пансионатах, где из еды были только каши и сухие пайки.

Если это все моя дальнейшая жизнь, то на фиг такую работу.

Мы долетели на вертолете до Курска, где пересели на самолет и полетели в Краснодарский край. Горцев решил продолжить с юга. Я напомнила, что моя командировка должна была длиться две недели. На что мне была дана рекомендация заткнуться и выполнять свои обязанности. Да и еще таким тоном, что отпало всякое желание возражать. Николай Ильич и Елена сидели тихонько и не возмущались. Скорее

всего, дольше работали и привыкли к такому хамскому отношению.

На юге стало гораздо веселее.

У моря мы, наконец, увидели большой красивый город в левом мире, с заводами, учебными заведениями, библиотеками и театрами. А еще – я разобралась, откуда у них берется энергия! На территории одного из предприятий находились десятки огромных антенн, похожие на воронки, расширяющиеся к небу. Из воронок вылетали небольшие серебристые облачка, они уходили вверх и распределялись на высоте около двухсот – трехсот метров от земли. Единственное правильное объяснение было – здесь, в левом мире, электричество передается по воздуху. Металлические антенны на каждом доме, которые я заметила еще в Москве, это магнитные улавливатели. Они концентрируют и берут энергию сколько нужно для быта прямо из воздуха. Поэтому я и не заметила в левом мире никаких летающих повозок.

Наблюдая за городом с высоты птичьего полета, да и прохаживаясь по улицам, я не могла понять, что меня коробит. Было какое-то несоответствие во всей городской архитектуре. И даже смысл не в том, что дома были низкими, по сравнению с нашими городами, не в том, что отсутствовали линии электропередач и привычные мне шоссе и улицы. Через время я догадалась – в городе не было ни единой церкви. Не было куполов, луковок, синагог, пагод и прочего. Неужели в этом мире не верят в богов? Или я просто не замечаю этих

зданий?

А однажды я увидела совершенно поразительное явление. В левом мире начался дождь, и над моей головой расцвела бесподобная красота, что-то типа северного сияния. Почему я этого не замечала в Москве? Неужели там ни разу не было дождя? Куда я смотрела?

Конечно, были и казусы. Попастъ в университет у меня не получилось. На его месте в Краснодаре стоял здоровенный жилой дом. Лишь краем я прошла по читальному залу и позаглядывала в учебники, которые могла видеть с лестничных площадок. В квартиры решили пока не заходить, Горцев сказал, что выбьет разрешение, если найдем что-нибудь важное. Буквы оказались знакомыми. Даже очень. Два года подряд, на третьем и четвертом курсе, я ходила на факультатив по латинскому языку. Не то, что бы я хотела читать Спинозу и Плутарха в оригинале, но не пожалела о потраченном времени. Латинский язык – предтеча всему. Основание, базис для чуть ли не всех языков мира.

Другой альтернативой были – факультативы по археологии, программированию, музыкальный. Были еще спортивные кружки, но спорт я ненавидела еще больше, чем пианино.

«Вот и пригодился мой латинский», – подумала мрачно я, размышляя сообщить о своем знании Горцеву или придер-жать? А если узнает? Думаю, в моем личном деле не осталось белых пятен. Решила сказать. И так отношения между

нами были напряженными, незачем портить их там, где нет смысла.

– Отлично, – потер он руки, – переводи.

Получилось не очень. Я спотыкалась на каждом предложении, понимая лишь общий смысл. Похоже книга была научной тематики. Буквы были похожие, но многие слова, скорее всего технические термины, вводили в ступор. Я записала несколько бессмысленных абзацев, пока была открыта книга, затем парень ее закрыл и мне пришлось оставить эту затею.

Язык же в правой части был не знаком совершенно. На юге деревень было больше, они кучковались вокруг огромного собора, более похожего на монастырь, так как мужчины, которых я заметила, носили длинные светлые рясы. Письменность напоминала узор – странную вязь с черточками и закорючками. Я переписала несколько слов, вырезанных над входом в один из домов. Горцев сказал, что отдаст в Москве языковедам.

Мы, наконец, засобирались домой. Нужно было рассортировать записи, перевести, то, что я записала, да и Горцеву дали отмашку, что по его координатам закончили рыть котлован. Это значит, мы увидим вход в тоннель. Он чуть ли не приплясывал от радости. Сведений мы собрали столько, что начальство будет довольны. Горцев повеселел и даже соизволил объяснить, что наша поездка была обзорной, более предметно мы будем работать после того, как обследуем хо-

тя бы европейскую часть континента.

Я устала, словно месяц пахала в поле. Николай Ильич все время что-то черкал в блокноте, вырисовывая схемы, Лена сидела в наушниках, стенографируя с диктофона мои записи.

– Заметила, что архитектура очень схожа с греческой или римской? – профессор сел в самолете рядом со мной. Я кивнула, – все эти своды, пилястры, арки, что ты описывала. Латинский язык, юлианский календарь... Ты написала... – он ткнул пальцем в блокнот, – это не арабские цифры. Римляне не использовали заглавные буквы для обозначения миллионов и тысяч. Скорее всего, они усовершенствовали шкалу, но что-то осталось с древности. Вот, смотри! Это же сегодняшняя дата – пятнадцатое октября две тысячи двадцать второго года. Дата со дня сотворения Рима, 753 г. до нашей эры плюс 2022. – Я нахмурилась. А ведь правда, получается 2775 год. – Так вот, у меня предположение. Твой левый мир – это мир, где до сих пор правит Римская империя. Или не правит, а оказывает большое влияние. Чтобы все прояснить нужно попасть на Апеннинский полуостров.

– Наверное, – я безразлично пожала плечами. От усталости слипались глаза. Я жутко хотела домой, в свою любимую комнатку, в любимую кроватку, в объятия мамы и папы. Никогда так долго я не отсутствовала дома. И пусть мне двадцать три, очень не хотелось становиться взрослой и самостоятельной.

– Спи, деточка, – Николай Ильич ласково похлопал меня по руке, – а я еще поработаю.

Я положила под голову свернутую в комок кофту и задумалась, воскрешая в памяти слова профессора. Но кто или что, интересно, оказался тем ключевым элементом в истории, из-за которого она пошла другим путем? Этот кто-то должен быть из древнего Рима, скорее всего. Юлий Цезарь? Нерон, Калигула? Или тот, кого мы не знаем?

Я всегда восхищалась Римом. Поэтому косвенно и пошла на факультатив. Римская цивилизация положила начало тому современному обществу, которое мы знаем. Календари, дни недели, названия месяцев. Юриспруденция, система пенсионных поощрений, зарплат. Образование, право, архитектура, театры, медицина, большинство пословиц, поговорок и многое другое – все оттуда.

Какой же могущественной и процветающей должна быть культура, чтобы на всей планете она стала основой всему. В нашем мире история Римской империи насчитывает шестнадцать веков. Неудивительно, что в левом она разрослась по всему континенту. От Атлантики до Китая. Я видела карты в библиотеке, лишь часть Африки и Сибирь была окрашена другим цветом.

Глава 5

Следующие три месяца я провела в аду. Я не общалась ни с семьей, ни с коллегами, ни с друзьями. У меня не было ни выходных, ни отпусков. С утра до вечера я занималась языками. Три часа латинским, четыре – арамейским. Языковеды выяснили, что те слова из правого мира были одним из вариантов арамейского языка и гласили, если они точно перевели, «Добро пожаловать».

Между занятиями я выбиралась «в поле». То место, куда повозки въезжают в тоннель, огородили, повесив табличку – строительство бизнес центра. На самом деле просто вырыли огромный котлован, чтобы я лучше рассмотрела транспортную сеть левого мира.

Повозка въезжала во что-то типа пневмотрубы, где на высокой скорости неслась куда-то на юг. Логично. Если у них в воздухе «распылено» электричество, то основная транспортная сеть находится под землей. Я послушно зарисовывала сама и подробно описывала все технические элементы, которые удалось рассмотреть. Рядом со мной теперь был представлен не только стенографист, но и художник.

Ночевала я там же, в бизнес центре. На последних этажах у них было что-то вроде студий. Мне выделили небольшую комнату с минимумом вещей. Потихоньку меня отсекали от родных, друзей, привычного образа жизни. Виделась с се-

мьей раз в неделю в воскресенье. Я стала чувствовать себя заключенной на неопределенный срок без возможности просить о помиловании.

В первый раз, приехав к родителям, я разрыдалась прямо в коридоре. Мне было себя так жалко, что я, как маленькая девочка, уткнулась маме в грудь и завывала, причитая о своей ужасной работе. Я хотела, как в детстве, чтобы родители решили за меня все проблемы, чтобы погладили по голове, уверили, что все будет хорошо, накормили пирожными, уложили в кроватку и рассказали сказку.

А ведь в начале января была запланирована еще одна обзорная поездка, на этот раз в Европу и почти на месяц. Мне и Николаю Ильичу сделали шенгенскую визу, вместо Горцева ехал его коллега, некто Александр Латов. Теорию Николая Ильича о правлении Римской империи нужно было проверить. Нам забронировали билеты до Парижа, потом – Барселоны, Милан. Конечным пунктом был Рим.

В другой раз я бы обрадовалась. Такой вояж по Европе! Но не сейчас. Скорее всего, я и Эйфелеву башню увидеть не смогу – все время буду смотреть через левые и правые шторы.

Папа с мамой и без моих причитаний заметили, как я похудела и подурнела. Папа порывался поговорить с моим начальником, но я прекрасно знала, что это бесполезно.

Горцев даже собирался выпроводить нас в аэропорт сразу из бизнес-центра. Но после моей истерики мне разрешили

переночевать дома и собрать вещи. До глубокой ночи мы сидели на кухне и строили планы. Вдруг мама вышла и через несколько минут вернулась с конвертом.

– Вот, – она положила его на стол передо мной, – если вдруг представится возможность сбежать – сбегай. Ты права – это не жизнь. У меня в Париже живет хорошая подруга, бывшая одноклассница. Здесь адрес, телефон и тысяча евро. Если будет совсем не вмоготу, позвони ей, она тебя спрячет. А потом разберемся.

Я грустно улыбнулась.

– Вряд ли получится, но спасибо.

Утром я встала с отвратительным настроением. На сердце было тяжело, голова болела, внутренности выворачивало от дурного предчувствия. Мне казалось, я больше никогда не вернусь домой. Я еще раз крепко поцеловала родителей и вышла из квартиры. У подъезда ждала знакомая черная машина. Я забросила чемодан в багажник, в последний раз подняла голову, пытаюсь разглядеть окна нашей квартиры на пятнадцатом этаже, зная, что сейчас, в эту самую секунду мама и папа смотрят на меня через стекло, махнула ладошкой и села в машину.

Париж встретил легким снежком. Город был украшен к Новому году, и пусть мне приказывали смотреть только через левую шторку, я периодически открывала и центральную, стараясь рассмотреть все и сразу. Со времен школы очень хотела побывать в Париже. Наверное, это мечта каж-

дой девочки, выпестованная из любовных романов, которые так любят подростки.

Мы вчетвером сели в такси. Я, Лена, Николай Ильич и Латов. Он мне показался более спокойным и вежливым. Не шпынял в самолете, не дергал, не затыкал рот. Надеюсь, сработаемся.

Нас разместили в четырехзвёздочном отеле «Селект» на улице Сорбонна. Не слишком роскошном, но и не дешевом. Нам нельзя было выделяться. Сняли два номера – для меня с Леной, и Латова с профессором. За неделю нам нужно было обойти Париж и, если успеем, осмотреть пригороды.

И в левом и правом мирах на месте Парижа находились города. В правом город был построен вокруг великолепного храма, похожего на базилику святого Петра в Ватикане, только еще величественнее. В левом мире я не видела ни одного храма, зато было много библиотек, школ, театров и музеев. На них мне приказали сконцентрироваться в первую очередь.

После трех месяцев муштры я уже более-менее разбиралась в латинском языке и почти с ходу читала надписи и тексты. А вот с арамейским было неважно. Слишком уж он был чуждым. Еще одна проблема была в том, что ни один из наших диалектов стопроцентно не подходил. Скорее всего, это была смесь древнегреческого, арамейского и арабского. Поэтому меня учили всем трем языкам сразу, а в итоге я точно не знала ни одного.

Два дня подряд я вставала в семь утра и приходила в гостиницу в девять вечера, падая без сил. В голове была каша. Я не понимала, что смотрю и что описываю. От бесконечной говорильни путались слова и мысли, а язык сворачивался в трубочку. Мы спускались в метро и ездили от одной станции к другой. В правом мире подземной жизни не было, зато в левом мы частенько натыкались на пневмотрубы, странные сооружения, похожие на склады, и... загадочные лаборатории, как мне показалось, подпольные.

В итоге мне приказали сосредоточиться только на левом мире, не отвлекаясь на правый, окончательно записав его в отстающие.

Лаборатории оставили на потом, на более тщательное рассмотрение со специалистами, вызванными из Москвы. Хотя схемы кровеносной и лимфатической системы человека я бы и без них могла описать. Очень уж часто эти схемы попадались мне на глаза. Они висели на стенах лабораторий, были начерчены в книгах, раскрытых на столах. Хотя, действительно, моих знаний не хватало. Потому что схемы были странными. Не помню, чтобы у человека были подобные ответвления сосудов.

На третий день я не выдержала и взбунтовалась. До отлета в Барселону оставалось два дня, а я так и не увидела Эйфелеву башню вблизи. Придя в номер, я подождала, пока Елена отправится в душ, быстро переоделась и выскочила наружу. Думаю, никто не хватится меня в ближайшие пару часов. А

вот посмотреть достопримечательности и набережную Сены успею. Деньги у меня были, английский я знала неплохо, заблудиться не боялась.

Три часа эйфории. Ночной Париж был еще привлекательнее дневного. Подсветка зданий превращала архитектурные шедевры во что-то нереально прекрасное. Зачем смотреть чужой мир, если в своем столько всего? Я побродила вдоль набережной, зашла в небольшое кафе выпить кофе и съесть пару круассанов, поднялась на Эйфелеву башню, дошла пешком до Триумфальной арки. И, наконец, почувствовала себя счастливой.

А в гостинице меня ждали разъяренный Латов и обеспокоенный Николай Ильич. Разнос устроили в номере мужчин.

– Я написала записку. А телефон выключила, чтобы не пришлось врать, – огрызалась я.

– В следующий раз прикую тебя наручниками, – орал надзиратель. А ведь я его считала наиболее адекватным. Ошибалась.

– А не боитесь ходить по городу с прикованной девушкой? Что скажет полиция?

Латов ругнулся сквозь зубы.

– Иди в номер и не смей выходить без моего разрешения, – рявкнул он.

Я медленно поплелась на выход. Открыла дверь, но не успела шагнуть в коридор, как услышала, что мужчины продолжили спорить, только теперь между собой. Я замерла у

двери.

– Правильно меня предостерегал Горцев. Девчонка своевольная и несдержанная. Ей нужна твердая рука.

– Не дави на нее, – голос Николая Ильича, – ей всего двадцать три, она еще совсем молоденькая. Ей нужно иногда развлекаться.

– У нее нет времени развлекаться, – глухой голос Латова, словно он отвернулся, – осталось несколько лет, нужно их использовать по максимуму.

– Это точно?

– Да. Иванов продержался всего месяц, как мы его обнаружили, а американец после открытия почти сразу ослеп. Мы прибавили те года, что они провели в лечебнице, и получилось три года плюс минус. Да и наши врачи дают не больше, максимум пять. Атрофия зрительного нерва прогрессирует. Затронута кора.

Голоса затихли, они ушли на балкон. Наверное, курить.

Мне стало дурно. То есть, через три года, в лучшем случае пять, я ослепну, на этот раз окончательно? А все оставшееся мне время меня будут эксплуатировать как ломовую лошадь, не давая ни глотка свободы? А потом выбросят, как использованную тряпку?

Я тихонько прикрыла за собой дверь и побрела по коридору. В номер не хотелось. Опять видеть кислое выражение на лице Елены, ее бесконечные записи, постоянно включенный диктофон. А утром, не отдохнув и не выспавшись, ез-

дить по городу, выискивая лаборатории, больницы, университеты. Жизнь превратилась в бесконечный бег по кругу в беличьем колесе.

Если бы не эти мысли, я бы никогда не сделала то, что сделала сейчас. Увидев прямо перед собой вдруг открывшуюся щель между мирами, я, не думая шагнула внутрь, даже не вспомнив, что нахожусь на четвертом этаже и не поняв в какой мир иду. Вроде проход был между моим и левым.

Не хочу оставшиеся мне годы быть послушной собачонкой, выполняющей приказы. Лучше потрачу их на путешествия. Будет, что вспомнить под конец.

Глава 6

Мне опять повезло. Я не упала на землю – с четвертого этажа отеля я ступила прямо на крышу какого-то дома. Покачнулась и едва удержалась на ногах. Крыша была покатой, но не слишком крутой. Сев на черепицу, я обхватила голову руками и застонала. Что я наделала? Какое безумство могло меня толкнуть на подобную глупость? Очки были со мной. Это плюс. Из одежды – джинсы, кроссовки и короткая куртка на синтепоне. Под ней толстовка с майкой. Вот и весь мой скарб. Да, в карманах лежал выключенный айфон и чуть больше пятидесяти евро – остались от сотни, что я брала на прогулку. Но вряд ли евро здесь в ходу. Сейчас этот мир был в центре, слева – мой собственный, справа – религиозный отсталый.

Я видела освещенный коридор отеля на расстоянии вытянутой руки. Так близко и так бесконечно далеко. Видела, как несколько раз по нему пробегали Латов и Николай Ильич с испуганными лицами. Они, скорее всего, подумают, что я сбежала. А найдя в моих вещах записку с адресом и телефоном, поедут к маминой однокласснице. Надеюсь, они вскоре разберутся, что она ни при чем... А вот родителей жалко. Нужно будет придумать, как передать весточку.

Сколько я сидела на крыше – не знаю. Было не слишком холодно, иначе я бы окоченела. Незнакомые очертания го-

рода пугали. Не радовало ни расцветенное сверкающими огнями небо, ни расстилающийся впереди неизведанный мир. Было страшно. Впервые я осталась совершенно одна, без поддержки родителей, без друзей, без милого доброго профессора, даже без своей каторжной работы.

Только когда над горизонтом начал разгораться рассвет, я кое-как взяла себя в руки. Встала и принялась искать выход.

Дом был трехэтажным, добротным, даже, можно сказать, богатым. Как и все дома вокруг, он был построен по типу римских домусов, с внутренним двориком, бассейном и садом. Центр этого «Парижа» был немного смещен к западу, поэтому особняк, на крышу которого я попала, находился на окраине.

Я немного побродила по крыше, осматривая окрестности, потом уселась у люка и оперлась спиной о металлический штырь. Он был теплым. Через некоторое время люк открылся, и в проеме показалась голова молоденькой девушки, даже скорее, девочки. На вид лет четырнадцать-пятнадцать, не больше.

– А как ты здесь оказалась? – удивленно спросила она. В голосе не было ни капли страха, словно приبلудные девицы на крыше – обычное для них явление. – И не сиди возле электруса, он слишком сильно излучает, это вредно.

– Электруса? – я обернулась и посмотрела на антенну.

– Ну да, магнитный улавливатель электы, – девушка фыркнула, – ты даже этого не знаешь?

Значит, электричество называют электой. Боже! Как же хорошо, что я пошла на тот факультатив! И спасибо огромное Елизавете Андреевне, которая три месяца подтягивала мой разговорный. Сейчас я не испытывала никаких трудностей в общении. Ну, если только с неизвестными словами, появившимися позже, типа электричества. У нас оно было изобретено в восемнадцатом веке, а в девятнадцатом уже создали лампочки. А может быть, мне повезет и на этот раз? И окажется, что нашу историю разделило несколько сотен лет?

– Ой! – я вспомнила о приличиях, – доброе утро.

– Сальве (привет, лат)! – поздоровалась девушка и радостно махнула ладошкой, – залезай. Мы как раз собираемся завтракать. Я была на чердаке и слышала твои шаги.

Я молча поползла за ней в люк. Мы спустились по лестнице сначала на чердак, а потом в коридор третьего этажа. Потолки были высоченные, это я еще на крыше понял. Четвертый этаж отеля и крыша трехэтажного дома были на одной высоте.

Коридоры пестрели коврами дорожками ручной работы с яркими ортогональными узорами, на стенах висели чьи-то портреты. В архитектуре преобладал средиземноморский стиль – полукруглые дверные арки, колонны с орнаментами, утопленные в стену, скорее декоративные, чем поддерживающие свод, и много всего остального. Я с улыбкой отмечала знакомые по книгам и интернету детали.

По широкой лестнице мы спустились на первый этаж.

– Зимой мы едим в триклинии (столовая, лат), – девушка привела меня в большую светлую угловую комнату, одной парой окон выходящую в сад, другой – во внутренний дворик. Центр комнаты занимал длинный прямоугольный стол где-то на десять-пятнадцать персон. За ним сидели пожилой, совершенно седой мужчина, на вид шестьдесят с хвостиком лет и мрачная темноволосая женщина, внешне похожая на девочку, что меня нашла. Мать?

– Доброе утро, – я неуверенно поклонилась. Кто знает, как у них принято здороваться. На аристократов они вроде не похожи, но дом выглядит богато.

В древней истории я была не слишком сильна, помню лишь, что на «вы» в Римской империи называли только императоров, они, типа, отождествляли себя с народом, во множественном числе. Хотя... О чем это я? Неизвестно с какого момента наша история разделилась и пошла по другому пути.

– Сальве, – ответил мужчина, пристально рассматривая меня из-под кустистых бровей. Женщина бросила на меня косой безразличный взгляд, кивнула и продолжила завтрак.

– Дед, – девушка подтолкнула меня к столу, – я нашла ее на крыше у электруса. Смотри, какой странный наряд.

Девчонка почти насильно сдернула с меня кутку. Старец взял пальцами за краешек рукава и чуть потер. Только сейчас я увидела, что в доме нет ничего из пластмассы, а одежда на хозяевах кажется натуральной. Шерсть, по-моему.

Очень дорогая, тонкая и приятная на ощупь. Когда мы шли, я несколько раз дотрагивалась рукой до платья девушки.

– Эта ткань делается из нефти, – пояснила я и, видя их непонимание, добавила: – олеум, нефть... Мужчина скрипнул, положил мою куртку на пустующий стул и кивнул перед собой.

– Садись, поешь сначала, а потом расскажешь, кто ты и как здесь появилась. – А потом повернулся к девочке: – и ты, Авила, приступай уже к трапезе. Скоро в школу.

Да у них тут патриархат? Или просто дед – глава семьи? Я попыталась вспомнить, как в Римской империи обстояли дела с гендерным равенством, и какие права были у женщин. Хотя Авила, что меня привела, не кажется угнетенной и забитой. А вот женщина, пьющая что-то молча в конце стола, очень даже.

Я взяла чистую плоскую тарелку. Они стопочкой стояли на краю стола. Есть хотелось зверски. Авила тоже подтянула к себе блюдо и принялась накладывать всего понемножку. Сервировка впечатляла. Было много видов сыра, и мягкого, и твердого. Ну его не только в средиземноморье любят, во Франции тоже множество сортов. В пиалах плавали оливки в различных маринадах. В каждой из них лежала дырявая ложечка для вылавливания. Огромное количество разнообразной выпечки – круглый хлеб, маленькие пышные булочки, посыпанные какими-то злаками, несладкие лепешки, тонкие лавашы. В узких длинных тарелках – нарезанная вет-

чина, колбаски и много всего другого. У меня разбежались глаза. Хотелось попробовать все и сразу.

Гостеприимство было истинно средиземноморским, пока я не утолила голод, все молчали и только искоса на меня поглядывали. Девочка – со страшным любопытством. Дед с женщиной осторожно и сдержанно.

– Меня зовут Клавдий Просперус, – важно произнес старик, когда я со вздохом отставила чашку, чувствуя себя раздутым шариком. Значит, допрос начался с рассказа о хозяевах. – Эти две девочки – мои внучки, Авила и Аврора.

Девушка, что привела меня, весело улыбнулась и помахала ладошкой. Жест почти «наш», так могла мне махнуть и моя подруга в универе или кафе. Женщина просто кивнула. Странно, Авроре на вид хорошо за тридцать. Или ее старит мрачное выражение лица?

– Я родился и вырос в Лютеции. Мой отец Максимус и дед Калистус похоронены здесь, на берегах Секваны. – Его речь была странной. Словно он не говорил, а пел песню, рассказывающую об истории своей жизни. Лютеция, Секвана... Значит Париж и Сена имеют древние, еще доримские названия. Жаль. Это говорит о том, что разделение миров произошло гораздо раньше, чем я предполагала.

– Я хорошо помню имена сорока прямых предков и не даю своим потомкам забыть их, – продолжал он.

Я вежливо кивала, не зная, как реагировать. На первом курсе у нас был небольшой факультатив, называвшийся «Ро-

довая культура семьи». Я даже реферат писала на эту тему. С трудом нам – родителям и мне, удалось отследить имена всего шести поколений, и то только потому, что живы были бабушки и дедушки. Я нарисовала короткое генеалогическое дерево и успокоилась, получив пять. У моих одноклассников дела были и того хуже. Лектор вещал о том, что знать и помнить своих предков необходимо. Сравнивал род с корневой системой деревьев. Чем она сильнее и обширнее, чем глубже уходит в землю, тем сильнее и крепче семья, ее здоровье, благосостояние.

И да. Клавдий говорил лишь о мужчинах в своем роду, значит, здесь процветает патриархат. Статусы, роды, авторитет. Махровая древность.

– У тебя странный акцент, – голос старика прервал мои мысли. Я вскинула голову. – Ты издалека?

– Угу, – ответила коротко.

На меня уставились три пары глаз. Они ожидали продолжения, но, увы – его я еще не придумала. И чем я только занималась несколько часов на крыше? Внутренний голос тотчас же ехидно подбросил ответ – ерундой занималась, сетовала на судьбу, плакала и роптала на загубленную жизнь.

После еды жутко хотелось спать. Я едва не вывихнула челюсть, сдерживая зевки. Сняла очки и потерла глаза, прогоня сонливость. Вдруг прямо перед собой я увидела Латова, выходящего из черного входа отеля. Он прошел сквозь меня с таким злым выражением на лице, что я испуганно отшат-

нулась и чуть не упала со стула.

– Какие странные очки, – старик взялся за дужки и посмотрел сквозь них с внутренней стороны. – Зачем эти калитки?

Я еще немного поразмыслила и решила рассказать правду. Как там писал Булгаков? «Правду говорить легко и приятно»? Да и не очень хорошо у меня получается выдумывать. Тем более, так, с ходу. Старик и две девушки, сидящие передо мной, выглядят адекватными, надеюсь, здесь не сжигают на кострах и не сажают попаданок в тюрьму.

– Меня зовут Ксения Белкина, – произнесла я, – и я пришла из другого мира...

Через десять минут Авила, все это время сидящая с открытым ртом, вдруг вспомнила, что почти опоздала на первый урок.

– Вечером мне расскажешь! – крикнула она и выскочила из комнаты, чтобы через минуту выехать из-за угла дома на чем-то похожем на самокат, но без колес. Он плыл по воздуху на расстоянии около тридцати сантиметров от земли. Как та повозка, что я видела в Москве.

Повернувшись к Клавдию, я увидела, что тот смотрит на меня с насмешкой. На лице явно обозначилось недоверие.

– Значит, говоришь, разделились, – пожевал губами он, – и когда же?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Может быть тысячу лет назад, может пять.

– Невозможно, – он нахмурился, – никогда о подобном не слышал.

Почему-то я не удивилась. Было бы странно, если бы вот так сходу мне поверили. И я решила немного пошутить.

– Ну что вы, – заулыбалась я. – Это же самая популярная тема, попаданство, другие миры и прочее. У вас разве нет фантастических фильмов? У нас они в ходу.

– Фильмов? А что это?

Я напряглась. Фильм-то англоязычное слово. Как же там на латинском? Ничего не приходило в голову.

– Ты имеешь в виду имагори? – впервые за все время подала голос Аврора. – Это живые картинки. Их показывают в местах для зрелищ, театрумах.

– Да! Точно! – вспомнила я. Имаго по-латински образ. Вот значит, как они называют фильмы. – У вас же в ходу выдуманные истории? – хозяева не ответили. Я напряглась. – Да ладно. «Одиссея» Гомера была написана в восьмом веке до нашей эры. Неужели миры разделились еще раньше?

– «Одиссею» мы знаем, – произнесла Аврора. Я беззвучно выдохнула, – ее учат в школе. Но это же сказки. Так ты имеешь в виду греческих богов? Те, что сидели на горе Олимп? Неужели у вас в это еще верят?

– Нет, – отмахнулась я, – не верят, конечно. Я просто объясняю, что такое фантастика. Кстати, – мне пришла в голову мысль, – а почему у вас в городах нет храмов? – Я перебрала в памяти синонимы: – эклезия, темплум, кириакос...

– Есть, – ответил Клавдий, – они остались в древних городах, в Риме, например, в новых их не строили.

– Почему?

– А зачем?

Его слова вогнали в ступор. Осторожно, чтобы случайно не задеть сложную или болезненную тему, какой является вера для каждого человека, я произнесла:

– А что за религия у вас царит? – и, видя их непонимающие глаза, пояснила: – в какого бога вы верите? Кому молитесь?

Клавдий вдруг рассмеялся. Я напряглась еще больше.

– Девочка, – вытер выступившие слезы он, – теперь я верю, что ты из другого мира. У вас еще почитают богов? Ты разве не знаешь, что ни Марса, ни Венеры, ни Геркулеса нет? Это твоя... как ты там говоришь, фантастика.

Я покраснела. За кого он меня принимает? Конечно, их нет. Но как же Иисус? Нет, я не была религиозной, не ходила в церковь, и в жизни молилась один раз, своими словами, перед операцией. Но думать о том, что Бога нет, даже для меня было кощунством. Мой любимый профессор Дмитрий Павлович, тоже, кстати, атеист, говорил нам, что только вера может полностью преобразить человека, изменить его внутренний мир, сделать из труса храбреца, из убийцы праведника. Потом, правда, добавлял, что еще страх, но не суть. Человеку необходим кто-то, кто может помочь, разрулить его беды, успокоить, убедить в том, что все наладится. Кто-то

сильный, мудрый, милосердный, справедливый. Кто всегда рядом, в любой момент его услышит и поможет.

«Это самообман, самоутешение, иллюзия, – вещал профессор, – но это реально работает. И кто знает... В мире возможно все».

Я действительно почувствовала результат на своей шкуре. Перед операцией мне было страшно до тошноты, до мурашек на коже. Я сидела в одиночестве в своей палате, раскачивалась, как маятник, и ждала утра. Захлебываясь слезами, умоляя спасти, излечить, помочь. И Он помог.

После этого я уже была не столь категорична в своем атеизме и даже выучила несколько коротких молитв, на всякий случай. Поэтому сейчас я никогда и ни за что не буду рассказывать о нашем Боге. Тем более, что они в него не верят.

– И, кстати, – Клавдий по-прежнему насмешливо улыбался, – у нас есть боги. Свои, так сказать, собственные. – Я потрясенно выдохнула. – Домины, чем не боги?

Клавдий почему-то перевел взгляд на свою старшую внучку. Та мрачно сжала губы.

– Кто такие домины? – странное слово, в переводе с латинского хозяева. Может, сленг?

– Лучше тебе никогда с ними не встречаться, – хрипло произнесла Аврора, – целее будешь.

Я пожала плечами. Ничего страшного, потом узнаю. Похоже, я здесь застряла надолго. И вдруг я вспомнила, что у меня во внутреннем кармане куртки остался телефон. По-

нятно, сети, как и интернета здесь нет, но галерея же полная. Я вскочила, вытащила гаджет и разблокировала. Батарея показала шестьдесят пять процентов. Открыв галерею, я повернула экран Клавдию.

– Аврора, – обратилась к женщине, – подойди. Я покажу свой мир.

Последние фотки были еще годичной давности. Там я еще красивая, веселая, счастливая. Без очков и проблем. Аврора подошла и встала рядом.

– Это мой дом, в нем двадцать этажей, мы жили на пятнадцатом, – комментировала я, – это Государственный Университет, где я училась, это Кремль.

Наверное, именно в этот момент Аврора с Клавдием точно поняли, что я из другого мира. Кремль и Университет еще можно было бы признать возможными и здесь, но высоченных зданий Москва-Сити, уходящих в небо, в этом мире точно не было. Я слышала потрясенные вздохи Авроры у плеча, удивленное бормотание Клавдия.

Пролистав все фотографии, я забрала телефон и сразу его выключила, экономя батарею. Мне еще Авиле показывать.

– Кстати, у вас есть компьютеры? – я сморщила лоб, как же там на латинском... – компуто, компутаре?

В доме я не видела ничего похожего на знакомые экраны или телевизионные панели. Но бытовая техника присутствовала. Летающие пылесборники, я их видела в коридоре, опять же самокаты, повозки. Значит, техника развита. И ес-

ли у них и есть что-то подобное компьютеру или телевизору, то выглядит оно иначе, чем у нас.

Вдруг Аврора вытащила из своего кармана маленькую прямоугольную пластину, чем-то похожую на древний пейджер, и улыбнулась.

– Не знаю, что такое компьютер, но у нас есть транс, – она протянула пластину мне, – можно передавать тест и голосовые послания.

– Почти то же самое, – улыбнулась осторожно я. – А более серьезная техника? Большой транс? Машина, внутри которой собраны знания обо всем на свете, все написанные когда-нибудь книги, вся созданная музыка, имагори и так далее?

Аврора замешкалась.

– Ты имеешь в виду мундорете? – она неуверенно оглянулась на деда. Тот вытащил из кармана какой-то сложенный в несколько раз жезл и передал внучке. Я присмотрелась. Он был похож на небольшой изящный веер. Аврора щелкнула замком и раскрыла его. Получилась рамка прямоугольной формы с натянутой по периметру тонкой пленкой. Затем она вытянула руку с «веером» вверх и один из шаров, плавающих под потолком, буквально втянулся внутрь, а его место наверху сразу же занял другой. Электра распределилась по рамке. Я поняла, что ее материал схож с магнитным улавливателем на крыше. В итоге получилось что-то вроде знакомого планшета. Аврора провела пальцем по экрану, и по-

явились буквы.

– Неужели, интернет? – ошарашенно пробормотала я.

В принципе логично. Наши миры шли разными путями, но пришли к одному и тому же. Это естественно для истории.

– Еще есть пассим, – девушка поманила меня за собой. Мы вошли в соседнюю комнату, там стояла похожая рамка, но стационарная и большого размера, диагональю около двух метров. Боковые планки были шириной сантиметров тридцать. Аврора что-то включила, и рамка начала заполняться электой. Потом в центре сформировались цветная трехмерная фигура. Это был диктор, сидящий за столом и читающий новости. Звук тоже был. Но больше всего поразило, что местный телевизор был объемным. Я сделала шаг вправо и увидела ноги мужчины в светлых брюках, спинку кресла, на котором он сидит. Значит, электа не только передает электричество. При намагничивании определенным образом она формирует звук и изображение.

– Да у вас техника более продвинутая, – уважительно кивнула я.

– Наши ученые собираются сделать так, чтобы вывести электу за стратосферу, – думаю, я правильно перевела это слово, – но пока нет таких сильных электрусов, чтобы брать ее оттуда.

Аврора повела меня назад, в триклиний. Клавдий криво улыбнулся, увидев мое потрясенное лицо.

– В мундорете есть почти все, но я не очень люблю им пользоваться, – произнес он, когда мы опять уселись за стол, – книги лучше и приятнее для глаз, – я согласно кивнула. Смотреть на выпуклые трехмерные буквы было странно и непривычно. – Авила вернется со школы после обеда и ответит тебя. Почитаешь и узнаешь, когда миры разделились.

Он тяжело вздохнул, кряхтя встал и посмотрел на огромные аналоговые часы, висящие над входной дверью. Еще раньше я заметила, что они сделаны по типу наших и ничем от них не отличаются.

– Из-за вас я пропустил поклонение предкам, – буркнул недовольно, – скоро уже обед. И вот еще что... Аврора, отведи ее в свою детскую и дай какую-нибудь одежду.

Клавдий, немного прихрамывая, словно у него затекли ноги, побрел в сторону лестницы. Я посмотрела на Аврору.

– Сколько ему лет? – прошептала тихонько.

– Семьдесят четыре, – вздохнула она и добавила добродушно, – он только для вида ворчит. Мы часто забываем о преклонении. Пойдем. Я вижу, что ты хочешь спать.

– Ага, – опять зевнула я, – целую ночь просидела на крыше.

«Мне опять повезло, – думала я, уплывая в сон на льняных вкусно пахнущих простынях, – мне встретились хорошие гостеприимные люди. И эта Аврора тоже ничего... хоть и старается выглядеть букой».

Глава 7

Разбудила меня Авила. Влетела в комнату и упала на кровать прямо в одежде. Я подняла голову – утро сменили сумерки. С младшей как раз у меня и не было когнитивного диссонанса. Она выглядела и вела себя как обычный подросток моего времени.

– Так и знала, что тебя поселили в бывших покоях Авроры, – произнесла она весело, – теперь мы соседи, мои напротив.

– А где живет твоя сестра сейчас? – мне было трудно ворочать языком. Настроение было пасмурным и тревожным. Когда забывалась, то ощущала себя так, словно уехала к бабушке на каникулы и вскоре вернусь домой. А когда вспоминала реалии – сердце сжималось от безнадёги.

– В маминых апартаментах, – Авила помрачнела. Я вопросительно уставилась на девушку, надеясь на продолжение.

– Мама с папой погибли пять лет назад, мне тогда было десять, и я едва выжила, – она отвернулась к окну. Я положила руку ей на плечо. – Потом расскажу, если захочешь.

Я не стала ее донимать. Потом, так потом. Встала, накинула длинный халат типа тоги, который дала мне Аврора и отправилась умываться. Так началась моя жизнь в доме Проперусов.

В библиотеку я попала лишь спустя три дня. И то биб-

блиотека была не городской, а школьной. Авила отдала мне свой пропуск, и пока она была на уроках, я штудировала исторические хроники. Начала с древней истории. Египет был Египтом, таким же, как и наш. Все были на месте – и фараоны, и пирамиды, и династия Птолемеев. Далее шли Македония и Древняя Греция. Я быстро пролистала летописи, догадываясь, что с ним тоже все в порядке, если Клавдий знал «Одиссею» Гомера. Подобралась к Риму. С ним я стала работать более внимательно и потратила на копание в этих дебрях целую неделю.

Отсчет в этом мире шел со дня основания Рима. Как я помнила из истории – это был 753 год до нашей эры. Римская республика присутствовала. Борьба патрициев с плебеями, создание Сената, а затем и Республики. Трудно было разбираться в тонкостях чуждых терминологий, особенно без компьютера и интернета. Европейской историей я не слишком увлекалась, но историей Древнего Рима интересовалась, особенно после того, как пошла на факультатив по латинскому языку. Гая Юлия Цезаря точно так же убили, как и в моем мире. Клеопатра и Марк Антоний окончили жизнь вместе, а Октавиан Август основал Римскую империю, которая, оказывается, существует до настоящего времени.

С ума сойти!

Я закопалась в книги по самые уши. Хорошо, что они еще были написаны более-менее понятным языком, адаптированным для школьников. Неизвестно сколько бы я прове-

ла времени за настоящими древними летописями, если бы удалось попасть в центральную городскую библиотеку. Авила приводила меня сюда утром и забирала вечером, после занятий. Школа находилась недалеко от их дома, мы даже не пользовались общественным транспортом, лишь летающими платформами, типа самокатов. Здесь они назывались скисы.

Авила объяснила мне принцип работы, хоть сама в нем не особо разбиралась, сказала, что в школе его изучают лишь вскользь. Все в этом мире работало на магнитных потоках, взаимодействующих с гравитацией Земли. Триста лет назад некий ученый Октавиан Регулус открыл грави-короткие волны, которые при усилении кольцевым переменным магнитом определенным образом могли заряжаться и взаимодействовать с предметами – притягивать или отталкивать их. Это было началом производства электы.

– Неужели у вас никто не живет выше двухсот метров? – поинтересовалась я, когда мы шли из школы, – это опасно? Неужели и птицы гибнут при столкновении с электой?

– Не опасно, – ответила Авила, – просто неприятно. Если тебе нравится щекотка, можешь залезть на шкаф и потрогать шары. Кстати, некоторые любители адреналина взбираются высоко в горы. Говорят, что по телу, словно жесткой щетиной прохаживают. Мы все, когда были маленькими, хоть раз, но погружали руку в электу. Мне не понравилось.

«Значит, здесь электричество не опасно. Слишком разря-

женное, чтобы убить», – подумала я. После объяснений Авилы я кое-как соединила в голове отдельные элементы местного технического прогресса – аналога интернета, электричества и телевизионного вещания. Мой принцип изначально был неверным. Я видела заводы, выпускающие в воздух облачка, но оказывается эти облачка не заряженные частицы электронов и протонов. Я сгруппировала, так как отождествляла электричество с нашим миром. Здесь оно принципиально другое. Облака еще и хранят информацию. Не в битах, как у нас, не в двоичных кодах, а магнитных потоках и гравитационных волнах. А так как эти волны пронизывают всю землю и воздух, то я дышу интернетом? Жесть... Меня переродило.

Не буду заикливаться. Мне и дома трудно давалась физика, зачем она мне здесь?

А ровно через десять дней после начала поисков я, наконец, обнаружила, кто стал ключевым узлом для разделения мира. Для этого пришлось еще раз пересмотреть пару учебников. Догадки у меня были с самого начала. У нас, например, христианство дало огромный толчок в истории и культуре. Здесь же не было ни единого упоминания, ни о рождении Бога, ни о распятии, ни о воскрешении.

Зато в биографии второго императора Тиберия Юлия Цезаря появились новые элементы. Он умер не в семьдесят семь лет, как я помнила, а в сто десять. Сумасшедший возраст для того времени. А приемником назначил некого Йего-

шуа Юстиниана Цезаря, своего близкого друга, помощника и принцепса. С этого момента я начала читать только о нем. Биография была скомканной, как и любые биографии в то время. Достоверно известно было лишь то, что Йегошуа был выходцем из восточной провинции и был очень образованным человеком, знал несколько языков и обладал... как бы это сказать... великим даром убеждения и некоторыми способностями, выходящими за рамки человеческих. Его даже однажды чуть не казнили, из-за того, что он сцепился в споре с религиозными фанатиками.

Спас его римский наместник, тогдашний префект Иудеи. Он отвез философа в Рим и познакомил с императором.

Тиберий приблизил и возвысил Йегошуа, дав ему титул принцепса. В записях были упоминания о его совсем уж невероятных талантах. Вроде Йегошуа не только умел ходить по воде, читать мысли, предугадывать будущее, но и спасать от смертельных болезней. Якобы именно он вылечил Тиберия от воспаления мозга. Инсульта, по-нашему.

Не раз и не два Йегошуа спасал Римскую империю от катастроф, убеждая сенат и императора сначала от агрессивных завоеваний, а потом и от использования рабов, как основной силы. В общем и целом, его правление считается золотым веком империи. Новые территории были завоеваны не огнем и мечом, а словом и искусной дипломатией.

После смерти Йегошуа в сто тридцать три года (еще одна сумасшедшая цифра) он оставил огромное наследие – про-

цветающую империю, множество трудов, я про себя отметила, что нужно познакомиться с ними, и некие тайные знания, о которых в учебниках упоминается лишь вскользь. Детей у него не было, следующим императором был назначен Август Юлиан, великий полководец и близкий друг Йегошуа.

Более-менее понятно. Когда-то я читала, что развал римской империи спровоцировало неправильное престолонаследование, в частности переход на монархию. Если бы вовремя случились реформы, а императоров избирали по их деяниям, как было в самом начале, то не было Калигулы, Нерона и остальных тиранов, и вполне вероятно, что Рим бы просуществовал до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.